

Вторая трагедия Беслана

Боже, как страшно!.. Как страшно было год назад, когда из пылающей школы выносили окровавленных и обугленных детей. Когда маленькие тела сортировали по больницам и моргам. Когда разом завывали и поседели матери, а отцы будто мертвые падали на землю.

Вчера Беслан снова завыл. В той самой проклятой школе.

...В спортивном зале 186 детских фотографий и 144 взрослых. Сюда пришел весь город. С цветами, свечками. С черными кругами под глазами и истерзанными сердцами. Стоны и проклятия заглушали траурные мелодии.

— Вон, вон она пошла, — вдруг зашелестела церемония. В сторону спортзала шла Лидия Цалиева, директор школы. “Сволочь”, — заорали одни. “Да как вы смеете ее трогать?” — вступились другие. Вдруг на пожилую женщину набросился мужчина с пустыми, как у зомби, глазами. “Это все она, мерзавка”. Толпа ахнула. Мужика оттащили в сторону. “Это все вы, продажные твари”, — кинулся он снова, теперь на милиционеров. Обезумевшего от горя отца с трудом привели в чувство. А Беслан снова захлебнулся в крике и слезах.

...Когда год назад мы после теракта уезжали из Беслана, казалось, самое страшное позади. Ошиблись.

Рана не только не затянулась — она загноилась.

Беслан не узнать. И не только из-за архитектурных излишеств, которые появились здесь за этот год. Не узнать людей.

Прежними остались только развалины школы №1. Здесь ничего не трогали — как будто все случилось вчера. Лишь возвели пластиковую крышу, чтобы дождь не заливал зал, да у входа установили две мраморные плиты — это как бы распахнутые двери, по ним струится вода из вечного источника.

Закрываешь глаза — и снова видишь: дети, они бегут на тебя, в одних трусиках, грязненькие... Кто-то падал — то ли из-за слабости, то ли подкошенный пулей.

— Тетенька, тетенька, позвоните, пожалуйста, моей маме, скажите ей, что я жива, жива...

Девочке в рваном бордовом платье я тогда не смогла помочь — руки не слушались: “Беги скорей отсюда, мама твоя где-то здесь, она тебя ждет...”

Потом мы передавали детей через забор — их тут же увозили на “скорой”...

Теперь этого забора нет. И площадки нет, где мы вместе с медиками накануне штурма раскладывали носилки.

На этом месте стоит новая школа — как бельмо на глазу. Роскошь и царственные интерьеры странно смотрятся среди разбитых дорог и старых домов. Ученики глядят на этот шедевр архитектуры с опаской, учителя — с грустью. Все красивое, монументальное — но не родное.

Спонсоры расстарались: бассейны, зимние сады, кабинеты немыслимые, на партах — персональные компьютеры с жидкокристаллическими дисплеями... Таких школ, это точно, даже в Москве нет. А в Беслане — целых две. Каждая — на 600 школьников. Но они в два раза больше, чем типовые школы в столице на 900 человек.

Одна из новых школ стоит совсем рядом с той, старой. Из окон этого дворца хорошо виден разрушенный остов старого школьного здания. Для бывших заложников — не самый лучший вид.

СПРАВКА: По информации Департамента экономической безопасности МВД РФ, в Северную Осетию в качестве материальной помощи поступил 1 млрд 55 млн. 272 тыс. руб. В том числе 1 млн 430 тысяч в американских долларах и 121 тысяча — в евро. Финансовые средства, как утверждается, переданы пострадавшим. В настоящее время осталось распределить 170 миллионов рублей.

...Беслан забросали деньгами. Стоимость здешних квартир подскочила в три раза. Суды завалены исками: кому-то компенсаций дали больше, кому-то — меньше. Соседи тщательно следят за ростом благосостояния друг друга — кто сколько обновок купил...

В прошлогоднем аду возле ДК все были вместе и молились только об одном: лишь бы всех отпустили! Год спустя в Беслане появились кланы: есть клан учителей и клан матерей. Тех, что в “законе” и у всех на виду, — “Матери Беслана”. Есть и другие матери — тех, кто выжил. Они тоже хотели поехать к Путину, но “матери в законе” их не взяли — поедут те, у кого больше прав. В Беслане это означает: те, у кого погибли дети.

Может, и неуместно писать о таких неприглядных вещах в дни траура, но не писать нельзя. Город варится в своем горе, только приумножая боль. Матери погибших детей начали обвинять учителей первой школы, которые тоже были в заложниках: почему вы выжили, а наши дети — нет? Значит, плохо исполняли свой профессиональный долг. Сначала обвинения и угрозы сыпались только на директора школы Лидию Цалиеву, теперь на всех выживших взрослых. Доходит до того, что в адрес их детей сыплются проклятия с пожеланиями смерти.

* * *

— Девочки, как вы думаете, если я 1 сентября рядом с разрушенной школой поставлю кровать и напишу крупно, что после теракта стал бомжем, на меня наконец обратят внимание? — 66-летний Зелим Кадиев задумчиво чешет голову. — Я им всем, — машет он кулаком в сторону бесланской администрации, — устрою райскую жизнь — на весь мир прославлю.

Кадиев считает себя жертвой Беслана. Жертвой незаслуженно обделенной. Его дом на улице Коминтерна — ближе всех к 1-й школе. Рядом с ним стоял танк, из которого 3 сентября прямой наводкой били по школьным стенам. От сотрясений крыша в его доме сначала приподнялась, а потом резко опустилась, штукатурка обвалилась и свисает теперь этакой клеточкой.

— Пошел дождь и через дырки в крыше затопил всю нашу мебель. Она отсырела и пришла в негодность. Кое-что, правда, вывезли, но, сами понимаете, не до этого было: когда весь город ищет родных, не будешь спасать добро.

Спустя год в его доме по-прежнему нет стекол, вместо них — полиэтилен. Кадиев пошел к местным властям и попросил залатать крышу и вставить стекла. От него отмахнулись — еще бы: одни требуют клонировать или воскресить погибших детей, другие — денег и за границу, а тут еще этот со своей крышей достает...

Долго он обивал пороги, писал первым лицам республики, с которыми был лично знаком — всю жизнь проработал замдиректора крупной автобазы, — а потом объявил голодовку. Поставил железную койку в палисаднике возле дороги, нарисовал плакат с требованиями и честно девять дней не ел. Тут же понаехали высокие начальники со всей республики. Оценили причиненный ущерб. Сумма в сторону понижения менялась три раза, пока наконец ему не предложили забрать 800 тысяч рублей и оставить всех в покое. Хочешь — латай свою крышу, хочешь — другой дом покупай. Пока сыр-бор, выплаты обещанных компенсаций — цены на жилье в Беслане выросли в несколько раз. Трехкомнатная квартира на 1-м этаже стоит теперь миллион семьсот тысяч, а тут за огромный дом с просторными хозблоками в три раза меньше дают.

— Не хотим мы с бабкой здесь больше жить, — говорит дед. — Знаете, теперь у нас как на кладбище. Пойдешь днем на двор, а перед глазами — разрушенная школа. А ночью вообще страшно: дети будто плачут, стонут, просят о помощи. Наверное, нам это только кажется, но, знаете, удивляться нечему: у всего города с психикой неладит...

Дед с бабкой подали в суд, оценив дом в три с лишним миллиона.

* * *

С Алиной мы познакомились в больнице 3 сентября прошлого года. Родители прошли мимо нее пять раз и не узнали — такая она была бледненькая и худенькая, к тому же девочка вообще не могла говорить. Несколько дней над ее кроватью была бумажка: “8-9 лет, неизвестная”.

За этот год Алина Цгоева лежала в больнице шесть раз. Сначала выходили осколки, потом пережитый ужас полез изнутри; у девочки начались проблемы с почками, ставшие хроническими.

— Ранеными детьми никто не интересуется, — утверждает мама девочки Бэла Цгоева. — Даже в больницу в

Москву мы пристраивали Алину через знакомых. Ноги у нее болели: оказалось, стали выходить осколки. Поговорила с другими мамами — у них все то же самое: только на свои силы и рассчитывают. Диана Муртазова инвалидом осталась, все время в коляске. Такая красивая девочка и такая беспомощная!.. И очень много таких детей. И знаете — хоть бы раз кто-то позвонил, поинтересовался ими, спросил, чем помочь, — я имею в виду официальных лиц. А ведь мы отправляли детей в государственную школу, и они были здоровыми...

Алине повезло дважды: после первого взрыва ее посекло осколками, сверху на нее упала мертвая женщина, и боевик, выглядывавший, кого бы еще пристрелить, решил, что девочка уже не дышит. Их так в первый же день научила классная руководительница Татьяна Валентиновна Светлова: “Если будут стрелять, падай на пол и прикидывайся мертвой”. Потом террористов выбили, и спецназовец долго спрашивал, кто живой. Она хотела крикнуть, но не могла: во рту за три дня все пересохло, язык прилип к небу. Чудо — он увидел ее огромные голубые глазищи. “Что ж ты молчишь?!” Поднял на руки и передал в окно. Она была одной из последних, кого живой вынесли из горящего спортзала. К носилкам ее понес другой спецназовец. Не донес пару метров — сверху прицельно бил снайпер, парень прикрыл девочку своим телом и погиб. Он был в камуфляже и в шлеме, Алина не видела его лица...

Весь год мама девочки искала свидетелей, чтобы узнать фамилию ее спасителя и молиться за него. Многие видели, как он погиб. Но никто не знает его имени.

О том, что выжившим детям потребуется длительная реабилитация, говорили еще год назад. Предлагали разработать программу, выбить для них какие-то льготы. Собственно, поэтому мамы пострадавших и хотели встретиться с Путиным. Пока их лечат бесплатно, и даже дорогу до больницы компенсируют какие-то фонды. Но ведь никто ж не гарантирует, что так будет всегда. А Алине в ноябре снова нужно ехать в Москву, на обследование, хотя при слове “больница” ее уже трясет.

— Конечно, мы на них теперь надышаться не можем, — мать кивает в сторону Алины, которая на новеньком итальянском велосипеде, присланном в качестве гуманитарки, лихо разъезжает по двору. — Захотела телевизор — купили, компьютер — тоже. “А с кем, — говорит, — мама, мне теперь играть — у нас на улице детей почти не осталось. И с кем я теперь за парту сяду — ведь Борик Джебилов вместе с мамой и сестрой погиб...”

При этом Алина счастлива, что ее мама не была в заложниках. “Ты бы, мама, ни за что не выдержала, — говорит девочка. — Знаешь, как там было страшно. Женщину одну убили, у нее голова оторвалась, и она скакала передо мной...”

* * *

В соседнем доме погибли шестиклассница Олеся Гульдаева вместе с мамой. Выжила лишь младшая девочка — тоже Алина. Она тоже весь год провела в больницах, а первый месяц просто лежала и все время плакала.

В доме Гульдаевых никогда лишнего рубля не было, а сейчас москвичи, которые заботятся о девочке, купили Алине дорогой мобильный телефон, ноутбук и кучу всякого добра. “Она почти все время болеет, может, хоть подарки поднимут ей настроение?” — говорят подружки Алины Гульдаевой.

Как помочь Зарине Дзампаевой, на Первомайской улице не знает никто. Ее единственный сын, 8-летний Заур, погиб в школе. В день штурма у мальчика от жажды повредился рассудок: он перестал слушаться мать и никого не узнавал. После взрыва она его больше не видела: Зарина пришла в себя только в больнице. Потом врачи ей долго врали, что с ребенком все нормально. И лишь когда ее привезли в дом бывшего мужа, она все поняла.

Зарину очень долго приводили в чувство психиатры и невропатологи. Все очень боялись, что она вообще может навсегда остаться в больнице. Но, к счастью, ей стало полегче, потом соседи устроили ее на работу...

Во время перерыва вместо обеда она едет на кладбище. Каждый день. И вечером, после работы. На день рождения Заурика украсила памятник воздушными шарами — как он любил.

— Я знаю, что он умер. Но он у меня всегда перед глазами, я с ним часто разговариваю, хотя со стороны, наверное, кажется, что я сошла с ума, — говорит Зарина. — А для меня кладбище сейчас — как дом родной. Я не боюсь оставаться здесь дотемна: на кладбище всегда много людей, даже ночью.

* * *

Несчастных матерей, лишившихся детей, общественное мнение разделило на хороших и плохих. Хорошие, как Зарина, пропадают на кладбище и думают о душе. Плохие озабочены материальным, что, по мнению многих бесланцев, недостойно случившейся трагедии. Не о ремонте, мол, надо думать и не о новых машинах.

Особенно достается отцам. Некоторые из них уже обзавелись любовницами, а полученные деньги — по миллиону за погибшего — спустили на развлечения. “А может, для них это способ забыться, как-то отвлечься, и разве их можно за это осуждать?” — говорит водитель Сергей, часто привозящий по ночам матерей с кладбища. И сам же первый рассказывает, кто из них “хорошая”, а кто “плохая”. Чем больше за год состарилась женщина, чем хуже она теперь выглядит, тем она “лучше” как мать. Вот такая нехитрая житейская логика. Где уж тут найти силы, чтобы жить, если общественное мнение на стороне тех, кто хоронит себя заживо?..

...Семья Тотиевых — тоже с улицы Первомайской, они создали в Беслане прецедент. Из их дома 1 сентября ушли в школу 8 детей. Домой вернулись двое. Первоклашку Азамата нашли в больнице. У него была тяжелая травма головы, проблемы с глазами. Один глаз так и не удалось спасти. Пятиклассница Мадина пострадала не сильно — сразу после штурма ее осмотрели врачи и отпустили домой. Врачи только попросили не спрашивать девочку ни о чем.

Когда Мадина пришла в себя, она рассказала, что все 8 детей старались держаться вместе — они пошли в школу без взрослых, потому что живут совсем рядом. За младшими присматривали старшие. Но раздались взрывы, и братья и сестры потеряли друг друга.

...У них самое большое место на кладбище: шесть одинаковых памятников. Тотиевы — баптисты, у них свое отношение к случившемуся.

— Наши дети теперь в безопасности, теперь Бог о них заботится и не даст никому в обиду. Страшно за тех, кто остался, — говорят Тотиевы.

На шесть миллионов рублей, полученных за погибших детей, они заасфальтировали родную улицу. Потом выкупили старый заброшенный дом и землю под ним. Дом уже снесли, поставили вокруг красивый забор. На этом месте строится теперь детская площадка. Роскошная площадка. По американскому проекту. Таких в Беслане отродясь не было...

* * *

В местной газете натыкаемся на открытое письмо, адресованное нынешнему главе республике Таймуразу Мамсурову, “так как письменные обращения не доходят”.

Оно — от медработников травматологического отделения Детской клинической больницы Владикавказа. Медики пишут о том, что 3 сентября “отделение приняло самое большое число раненых и искалеченных детей”, и “в дальнейшем каждый день к нам переводили раненых из других больниц Владикавказа и Беслана”. Работали в тяжелейших условиях, но свой долг выполнили с честью — как врачи, так и медсестры и санитарки. На весь мир работу осетинских медиков прославил тогда министр здравоохранения и социального развития России Зурабов, который был просто поражен тем, что, “не имея современной аппаратуры и условий, мы проявили чудеса в спасении детей и взрослых”. Зурабов дал указание Минздраву республики представить к наградам отличившихся медработников. “Но это указание не выполнено, хотя списки были представлены”.

Почему?

“В Минздраве РСО-Алания считают, что нас слишком много — отличившихся медиков, поэтому и награждать никого не надо”.

* * *

“Матери Беслана” собираются сегодня, 2 сентября, ехать в Кремль. Говорят, что встреча им эта не нужна (“где он раньше был?”), они просто хотят взглянуть в глаза президенту и узнать, скажут ли им наконец правду о том, кто убил их детей.

Мы бы посоветовали осетинским женщинам заодно подарить Владимиру Путину кассету с записью, которую они сами просматривают дено и ночно. Эти кадры не показывали по телевидению — они слишком шокирующие. Психологи вообще запрещают смотреть эту пленку даже здоровым людям. Но нет дома в Беслане, где не было бы такой кассеты.

Там — прокурорская запись, сделанная почти сразу после теракта, когда раненых уже развезли, а в школе остались только трупы — обгорелые, расстрелянные, обезглавленные.

Мы были в Беслане год назад и видели много чего. Но даже после этого смотреть ту кассету — невозможно. Когда показывают мертвых бородатых террористов и разорванных на куски шахидок — еще ничего... Комок подступает к горлу, когда оператор склоняется из окна второго этажа того самого кабинета, где расстреливали мужчин. Они лежат внизу горой. Друг на друге... Сотрудник спецслужб, который должен в камеру без всяких эмоций описывать “место преступления”, не сдерживается: “Будьте вы прокляты, звери...”

А вот показывают спортивный зал, который еще дымится. Камера выхватывает гору обгорелых тел. Не поймешь — взрослые или дети. И вдруг спасатель поднимает застывшее обугленное черное тельце ребенка. Почему-то кажется, что это девочка. Почему?

Нет сил видеть это... Перематываем...

Беслан — травмированный город. Психологи говорят, что в помощи здесь нуждаются все 35 тысяч жителей. И помогать им надо не один год...

Елизавета Маетная, Марина Гриднева, Беслан

Автор: Артур Скальский © Московский комсомолец ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3041 02.09.2005, 05:49 📄 175
URL: <https://babr24.com/?ADE=24092> Bytes: 16495 / 16473 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: kras24.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)